

Ежегодная Сретенская научно-практическая психологическая конференция в РХГА «Психея и Пневма». 21-22 февраля 2008 г.

Секция «Природа человека: дух, душа, тело. Психологический, богословский и философский подходы» (10.00-15.00, ауд. 602). Ведущий секции - о. *Владимир Федоров*

Михаил Семенович Уваров, доктор философских наук, профессор

«Проблема преподавания христианской антропологии в светском вузе»

Доклад

М.С. Уваров: Мой доклад посвящен методическим проблемам преподавания основ христианской антропологии в светском вузе, подчеркиваю, именно в светском, поскольку сегодня в ходе нашего заседания уже выявилась парадоксальность этой проблемы. Одно дело рассказывать истины Священного Писания людям верующим, отсылать их к Святым Отцам, к текстам Библии, комментариям, и так далее. А другое дело прийти в аудиторию, в которой знание Библии, Святых Отцов находится на уровне, близком к нулю. И мы должны с вами понимать, что если мы говорим о преподавании в такой аудитории, то здесь методы должны быть несколько иными. Ну, по крайней мере, мой почти десятилетний опыт преподавания в разных вузах Петербурга, в том числе в РХГА, и небольшой опыт общения с пасторами и студентами в одном из протестантских университетов США показывает, что это проблема реальная. И даже когда протестантская аудитория тебя слушает, люди улыбаются, кивают и хлопают в ладоши, не всегда понятно, что они в душе у себя держат, потому что разговор о Святых Отцах, Предании, об иконе в такой аудитории - это проблема. Они говорят «да-да-да», но про себя-то думают: что это такое – икона и Предание – протестанту реформатской церкви или даже лютеранину.

Я начну со схемы. Она очень проста. Это ромбик такой:

Бог

богослов--- | --социолог,
психолог, филолог, культуролог

философ,

человек

Собственно, две позиции в преподавании основ христианской антропологии может существовать. Первая - это позиция теолога. Вторая в разных вариациях - это может быть позиция социолога, философа, психолога, филолога, культуролога. Т.е. представителя гуманитарных специальностей, которые говорят о христианстве, но не являются при этом богословами.

В чем тут основная проблема. Вопрос стоит о том, что, собственно, мы будем преподавать либо в смешанной аудитории, где есть люди верующие и неверующие, протестанты, и католики, и православные, и буддисты. И большинство атеистов все-таки, если не по убеждению, то по воспитанию. Становиться на позицию теолога, т.е. исходить из христианской догматики основ наук христианских - эта позиция, на мой взгляд, очень плохо работает, потому что сразу возникает масса предшествующих вопросов: а почему христианство? Почему религия? Ведь религия это прошлое человечества? И тогда вместо преподавания основ христианской антропологии приходится объяснять, что христианство это не прошлое человечества, что без христианства не было бы ни новоевропейской науки, ни либеральной идеи свободы, ни всего того, к чему привыкли люди, которые о христианстве ничего не знают.

Это отдельный и очень серьезный вопрос. Кстати, о. Андрей Кураев в своей последней книге «Неамериканский миссионер» подробно разбирает в виде реферата истоки новоевропейской науки от Галилея до Ньютона, как вытекающие из христианства, как это ни парадоксально для атеистического мышления. Так вот поэтому приходится становиться на позицию «просвещенного гуманитария», на одну из этих позиций. И, следовательно, возникает парадокс: как можно говорить о заповедях любви к человеку и Богу, и вообще о предмете христианской антропологии, который сконцентрирован в этой самой оппозиции и одновременно синтетическом единстве человека и Бога, если мы остаемся на позиции гуманитария? И здесь, конечно, возникает целый спектр проблем.

Дело в том, что если мы целиком остаемся в треугольнике «Бог – человек – философ/культуролог/социолог», мы, так или иначе, преподаем не основы христианской антропологии, а основы религиоведения. С культурологической, социологической, филологической - любой другой гуманитарной точки зрения. И действительно, есть такие направления религиоведения, которые считают, что все, что касается изучения религии, может быть осмыслено только в пределах исторического религиоведения и философии религии, и у нас в Петербурге есть такая точка зрения. На мой взгляд, она крайне узка и отражает профессиональные интересы части современных

религиоведов. Понятно, что избегать богословского анализа совершенно невозможно. И хорошо если аудитория сразу понимает, о чем ей говорят, какие оттенки богословского (а не историко-религиоведческого) знания ей преподносят. Мой личный опыт показывает, что необходимо делать такое различие, чтобы не вводить аудиторию в заблуждение и просто, чтобы быть честным перед нею. Мне задают обычно либо на первой лекции, либо в начале второй вопрос о том, верующий ли я. Вопрос некорректный с точки зрения академического дискурса, но, конечно, я на него отвечаю. Некорректный почему? Не потому, что такой вопрос нельзя задавать. То, что я говорю и как я преподаю, само по себе должно отвечать на этот вопрос. То есть он является не первичным для общения с аудиторией, а вторичным. Но, тем не менее, аудитория имеет право на такие вопросы. И вот здесь приходится так или иначе из предыдущего треугольника выходить во второй – *«Бог – человек – богослов/теолог»* и в этом пространстве рассказывать вещи, которые относятся собственно к предмету христианской антропологии с богословско-научной точки зрения.

Как соблюсти гегелевскую узловую линию мер между этими двумя подходами – это большая методическая проблема.

Представьте реальную ситуацию. Все эти дискуссии по преподаванию основ православной культуре в школе, о введении государственных стандартов и даже ВАКовских специализаций по теологии – они же связаны в том числе и с тем, каким образом все это будет преподаваться и изучаться. Кто будет педагогом? Как говорилось на 16 Рождественских чтениях в Москве, только воцерковленный учитель может вести в школе «Основы православной культуры».

Нет столько воцерковленных учителей сегодня у нас в России! То есть самими деятелями церкви сразу ставится предел, препятствие для того, чтобы этот предмет не был введен. Что касается проблем вуза, о которых я сейчас говорю, то это ситуация, когда совершенно неподготовленные студенты приходят на первый курс, не все, конечно, я говорю об общей массе. И с ними приходится беседовать на языке околбогословском, понимая, что если перейти на реальный богословский язык, они перестанут тебя понимать.

Это та же проблема, которая нас, преподавателей философии, всю жизнь волнует. Приходит философ, например, в инженерную, геологическую или биохимическую аудиторию студентов, и как сделать так, чтобы философия была им интересна. Поэтому здесь встает та же самая методическая проблема: как говорить о том, о чем необходимо говорить и одновременно никак не исказить смысл того, что ты говоришь.

Еще одна очень важная проблема. Она связана с историей русской культуры. Вот как в начале XX века, так и сегодня – те же проблемы...

Начало XX века — я имею в виду Философско-религиозные собрания 1901-1903 годов, которые собственно завершились и развалились по двум причинам. Во-первых, видимая неблагонадежность: власти их в этом заподозрили накануне первой русской революции. А во-вторых, просто поругались наши религиозные мыслители и наша интеллигенция. Вся вереница вопросов сводилась, собственно, к одному — *вера и церковь*. Зачем церковь, когда есть вера? Тот же самый вопрос стоит и сегодня. Ведь огромное количество нашей современной интеллигенции, начиная со студентов, полагают, что церковь не нужна, а нужна только вера. Вера в некоего Метафизического Бога. Собственно, об этом самом Метафизическом Боге и рассуждает философ, либо психолог, когда говорит вне рамок теологии. Это та точка зрения, которая совершенно понятна. Понятно в первую очередь с точки зрения психологической потому что, как говорит мой очень хороший знакомый друг и коллега, я верю в высшее проявление благодати, и то, что есть гармония в мире. Но зачем мне христианский храм, который себя изжил, икона себя изжила. С XV века настоящих икон уже не пишут, все было тогда во времена Рублева и чуть позже. Вот точка зрения. И люди, заходящие в храм, в основной своей массе просто исполняют повседневный обряд. Это преобладающая сегодня точка зрения, и повторяю, со студенчества это все начинается.

Поэтому перед педагогом, который говорит об основах христианской антропологии, встает серьезная задача, психологическая в том числе. Психологическая еще и по той причине, что все-таки философию изучают все, и историю философии, в частности. А в истории философии, как истории интеллектуальной мысли, как было? И Ницше, и Вольтер, и Кант, и Эразм Роттердамский, и Лютер, и еще многие мыслители прошлого именно так и ставили вопрос: зачем нам эта церковь, изжившая себя? И протестанты (т.е. бывшие католики) так подошли к католицизму, и сами католики по отношению к католической церкви часто высказывали глубокие претензии. Зачем это все нам, когда есть Бог? Собственно на этой волне родился протестантизм в первом своем варианте, в варианте лютеранства. Это все, конечно же, содержит в себе серьезные психологические моменты.

Мы должны еще помнить и том, что психологически очень трудно разубедить людей в том, что церковь это не музей. Это уже давняя дискуссия — по поводу музеификации христианства. И что, изживая веру в современном мире, мы сознательно превращаем живое человеческое чувство в хранилище реликвий. Потому что мы воспитаны с советских времен так, что храм это может быть и хорошо, но это музей, в который приходишь, посмотришь, все очень красиво, благостно, и довольный уходишь. Что происходит в ходе Божественной литургии на самом деле — совершенно непонятно, да и зачем это. Это тоже момент, с

которым приходится считаться, когда говоришь о христианской антропологии.

Возникает целый ряд методических вопросов, которые в том или ином жанре приходится разрешать в ходе преподавания. Вот сегодня замечательная была ремарка в одном из докладов по поводу идеи Логоса. Мы знаем прекрасно, что идея Логоса – это идея общекультурная. Скажем, Сергей Николаевич Трубецкой, который писал свою докторскую диссертацию «Учение о Логосе в его истории». Это, действительно, такой всеобъемлющий, хотя, конечно же, в первую очередь богословский, взгляд на эту проблему. Но идея Логоса – это центральная идея и философского знания. И филологического тоже. И мы можем показать, что и проблема Логоса и многие другие вещи, о которых говорит культура, были четко и всеобъемлюще поставлены в богословии – вот это тот самый выход, который позволяет людей увлечь. И чтобы они понимали, что история христианства, история христианской веры и христианской церкви – это не некая схоластика, которая ушла куда-то в прошлое.

Даже великий Гегель, который, собственно, построил свою систему как некий прототип христианского мировоззрения, во многом опирался на идеи, одинаково ценные для философии, богословия и культуры в целом. Но если вы откроете его лекции по истории философии и посмотрите, что он пишет о Средневековье, вы изумитесь, потому что там две с половиной странички пренебрежительного текста. Христианская философия не создала своей метафизики, говорит он, все, что было тогда – это провал между Возрождением и Античностью. Это пишет Гегель, христианский мыслитель, и у него, конечно, свои мотивы так считать. Эта точка зрения, кстати, стала любимой точкой зрения марксизма-ленинизма (то бишь научного атеизма), что Средневековья и не было, что был провал. Virtuозное манипулирование гением! И Возрождение, как говорилось еще сравнительно недавно, в буквальном смысле означает возрождение античности, что совершенно неверно, но эта точка зрения была господствующей. Я помню свой опыт студенческий. Нам прочитали античную философию, не дойдя до неоплатоников, на Аристотеле и римской этике остановились, сказали, что Средневековье вам почитает следующий преподаватель, следующий профессор. Пришел следующий, сказал «Я начинаю с Бэкона», Френсиса, естественно. Потому что вам должны были раньше прочитать Средневековье. Его просто боялись читать и не хотели читать. К счастью, сегодня этого уже нет, сегодня столько интересных исследований по медиевистике появляется, и философской в том числе, и этот провал, вроде бы, он уничтожен. Но, тем не менее, его отголоски мы до сих пор встречаем, и эти отголоски – пренебрежительное, порой снобистское отношение к классическому христианскому богословию.

Другая методологическая проблема — это уже упомянутая мной проблема современного религиоведения. Есть две основные точки зрения. Первая — религиоведение есть, и не нужна студентам теология, поскольку религиоведение — синтетическая гуманитарная наука, в основном, исторического плана. Моя же точка зрения, и думаю, точка зрения большинства здесь присутствующих, в том, что такое религиоведение ущербно в принципе. Религиоведение, которое выпускает из сферы внимания идею религиозного опыта как такового, не только его внешнего «исторического» описания, но и как такового во всем его многообразии, не может претендовать на научный синтез. И то, что Святые Отцы, апологеты, подвижники, и все, кто творил основы современного богословия, были людьми глубоко убежденными — об этом тоже должен знать современный религиовед. Это не персонажи того же самого музея, которые можно описать и забыть о них, или же говорить о них через запятую, между буддистами и синтоистами, в том же самом регистре. Такие, к сожалению, книги появляются сегодня. Вот так вот это и описывается: христианству тридцать страниц, буддизму пятнадцать, исламу двадцать, каждой твари по паре. Понятно, такая точка зрения имеет право на существование, я не говорю, что мы должны с горящими глазами и с крестом идти в аудиторию. Но опасны претензии на монополизацию «религиоведческой истины», которые сегодня налицо. Конечно же, религиоведение бывает разное, я знаю только в Петербурге несколько разных точек зрения внутри этой общей концепции. Может быть, это и хорошо, потому что, в конце концов, все это выльется во что-то более продуктивное. Если, конечно, способность к диалогу преодолит внешнюю агрессию и повседневные амбиции.

В этом плане возникают, собственно, и чисто богословские проблемы, если мы говорим о том, что в какой-то степени мы обязаны говорить о теологии, а не просто о каком-то общегуманитарном взгляде на отношение человека и религии. Проблемы здесь встают очень интересные. Одно дело же говорить о догматах, о решениях Вселенских соборов, а другое дело выявлять в этих хорошо известных богословам вещах иногда парадоксальные, иногда, может быть, спорные вещи, которые могут заинтересовать людей, изучающих христианскую антропологию.

Я поясню, в чем тут дело. Вот вчера в пленарном заседании профессор Н.Х. Орлова рассказывала о некоторых спорных вещах, связанных с дискуссиями между Святыми Отцами. Ну, в частности об идеи грехопадения, о виновности Евы, и так далее, она очень глубоко копала все эти вещи в своих научных изысканиях. И она убедилась в том, и мы потом с ней это обсуждали, что на самом деле у Святых Отцов были совершенно разные позиции, это были живые, откровенные люди, блестящие и уважающие друг друга полемисты. Они обсуждали это честно, скажем так, без всякого налета пуританства, выражаясь

современным языком. Они хотели *разобраться*. Или вспомните эту странную историю с Маконским собором, где обсуждался вопрос, правда, филологический, *не* содержательный (об этом часто забывают): человек ли женщина? Из этого полузабытого диспута (разъясняя, конечно, его смысл), можно очень многое донести до людей мыслящих. Христианство в его истории, в том числе и истории антропологии, было живым учением, оно пыталось разобраться, как это пытаются сделать сегодня филологи, философы, психологи – разобраться в сути вещей. В ходе этого серьезного анализа, конечно, формируется некая концепция, она становится общепризнанной или почти общепризнанной, но, тем не менее, это так: это живой процесс обсуждения с не всегда ясными следствиями. Скажем, любимейший мой Виктор Иванович Несмелов гениальный русский философ и богослов, он очень многих спорных проблем в «Науке о человеке» избегает, и понятно почему, он уже не хочет обострять дискуссию, хотя последовательно проводит экзистенциальную точку зрения. А вот в период патристики все гораздо свободнее, как это ни парадоксально с точки зрения современного светского человека.

Вот это тоже некий, на мой взгляд, психологический прием, он никак не искажает сути предмета, но он позволяет переходить к более серьезным вещам. И рассказывать уже о том, что составляет суть и каркас христианской антропологии. Здесь, конечно, тоже могут быть самые разные подходы. Мой личный опыт показывает, что возможен, допустим, такой подход. Во-первых, нужно рассказывать более или менее подробно не только о Новозаветной, но и о Ветхозаветной антропологии. Я встречал такую точку зрения, что надо христианину Новый Завет читать сначала, а потом Ветхий Завет, особенно у протестантов она распространена, который Ветхий Завет не всегда хорошо знают. И точка зрения о том, что Новозаветный Бог Он добрый, а Ветхозаветный такой недобрый, мне кажется, не очень справедлива с точки зрения догматического богословия. Бог-то всегда был один. Другое дело, как вот это все проявлялось. Ветхозаветная история, кроме того, что там излагаются важнейшие для христианского вероучения вещи, это история антропологии, история живых людей. Она очень интересна, она очень запутана, она житейская и до парадоксальности повседневная иногда. И эти вещи тоже, я считаю, можно рассказывать для того, чтобы было понятно, почему водораздел между Новым и Ветхим Заветом в нашем сознании все-таки возникает. Условный, но все-таки водораздел. Почему история Богочеловека и богочеловечества, вообще христологическая проблема – это проблема, которая выводит религиозную антропологию на совершенно иной, несводимый ни к какому другому уровню, на уровень христианской антропологии. Если это удастся объяснить, что такое Бог живой для христианства и что этого нет ни в одной другой религии – главная цель курса будет достигнута. И не с точки зрения «торжества богословия», но с позиций живой христианской культуры как

основы русской, европейской и во многом мировой культуры. Это и есть, собственно, выполнение важнейшей задачи, на мой взгляд. Показом уникальности христианской антропологии, уникальность того, в том числе, почему так быстро, стремительно быстро, за несколько веков, христианство стало официальной религией Римской империи. Почему? Можно объяснять чисто психологические моменты, это все слушается, но на самом деле это большая загадка – три-четыре века и все. Почти мгновенно.

И на что, как мне кажется, нужно обращать особое внимание. К.Г. Исупов вслед за П.А. Флоренским писал о «мистерии Голгофы», о метафизике Голгофы, точнее. Потому что если мы говорим о Голгофе, Голгофском Кресте, собственно, все основные понятия христианской метафизики и антропологии там есть. Ну, скажем, нужно брать, конечно, какие-то ключевые понятия, имеющие антропологический смысл, о них подробно говорить, посвящать даже целые циклы лекций. Только один пример. Для меня важнейшим понятием такого уровня является понятие страсти. В замечательной по замыслу книге Ю.М.Зенько я нашел раздел, посвященный страстям. Вы знаете, что в русском переводе слово «страсть» имеет амбивалентный смысл. С одной стороны, Страсти Господни, с другой стороны, страсти как грех, и такого совпадения в написании нет в греческом языке. Объяснение студентам того, почему страсть имеет такой двойной смысл, что страдания Христа, Страсти Христа – это есть искупление страстей человеческих, т.е. грехов человеческих – на этом можно построить очень глубокий разговор не только богословского, но и общекультурного смысла. Такие вещи тоже воспринимаются, на мой взгляд, очень неплохо. Другими таки идеями мистериального свойства являются идеи страдания, жертвы, искупления, жизни и смерти, идея свободы. Ну, короче, весь тот категориальный аппарат, который собственно является почти одним и тем же как для теологии, так и для антропологической философии, культурной антропологии. Кроме того, я подробно объясняю студентам, откуда взялась вообще гуманитарная наука, очень непростой вопрос на самом деле. Это от Платона, говорят, от Демокрита. Когда я им объясняю, что само различие «scientia» и «schola», имеет средневековые христианские истоки, В некотором смысле получается, что средневековое богословие рождает современную гуманитаристику. И Шлейермахер со своей герменевтикой, и Кант, и Гегель – они оттуда корнями.

Надеюсь, что у меня что-то получается, хотя не всегда, прямо скажем, потому что держать эту границу, держать самую возможность разговора со светской аудиторией, она, конечно, отнимает много сил и нервов, но в большинстве случаев что-то получается. Я надеюсь.

Вот таков мой опыт, и я благодарю организаторов за приглашение на эту конференцию. Мне кажется, что сегодня это самая важная проблема:

каким образом не превращаться в «антропологический музей» и показывать то, что живое слово христианской культуры, по крайней мере, не менее важно, чем слово естествознания, философии и гуманитарной культуры в целом. Спасибо большое!

О. В. Федоров: Спасибо, Михаил Семенович!

(Аплодисменты)

Обсуждение

О. В. Федоров: Пожалуйста, вопросы.

Б.Г. Дверницкий: Есть вещи, которые вошли из христианства в нашу жизнь. Из христианства в нашу жизнь пришло много понятий, например, личность. Это та миссия, которую человек выполняет на Земле, следуя определенным принципам, которые заложены в самих истоках христианства.

М.С. Уваров: Я лично об этом тоже говорю. Целый букет категорий разворачивается. Кстати, понятие личности в психологии и философии по-разному понимается. Не говоря уже о христианстве. Полное взаимное непонимание. А истоки христианства... Вы совершенно правы. Большинство тех вещей, которые связаны с просвещенческим атеистическим проектом, было переоткрыто «как бы» независимо от христианства. Просто было взято то, что им было нужно этим великим людям, просветителям. А то, что не нужно, было отброшено. Но культура все ставит на свои места.

Вопрос: Можно уточнить, вы преподаете христианскую антропологию как учебную дисциплину самостоятельную?

М.С. Уваров: Я ее читаю как «Основы христианской антропологии». Трудно определить – спецкурс или основной курс. Приходится читать в разных вариантах, в том числе «в паре» с философской антропологией или же культурной антропологией. Я читал христианскую (и религиозную) антропологию в разных вариантах. Скажем, в последнем варианте я прочитал 46-часовой общий курс. Замечу, что считаю принципиально важным говорить не «философско-религиозной антропологии» (я встречал и такой подход), а о самостоятельности культурологического, богословского и философского подходов к человеку. В большинстве случаев это 16-20 часов, я это называю спецкурсом, конечно. Но, тем не менее. Лет пять назад я изучал Интернет-пространство на предмет наличия в нем курсов по христианской (или же религиозной) антропологии, и тогда моя программа была чуть ли не единственная.

Сейчас появились еще две или три. Для меня это было удивительно, потому что вроде бы очевидная совершенно вещь, а оригинальных подходов мало.... И это при явной тенденции возрастающего интереса к «человеку верующему»...

Из зала: На самом деле такие программы есть...

М.С. Уваров: Я не сомневаюсь, что они есть, я просто говорю о ресурсах Интернета, поскольку сегодня большая доля методических ресурсов выложена в Интернете.

Из зала: Я понимаю, это такая упрощенная схема... теолог и все остальные. Да, бывает, что гуманитарии не знают богословия. Но не противопоставляйте, пожалуйста: очень часто богословы не знают ни философию, ни филологию.

М.С. Уваров: Я не противопоставлял. Спасибо за вопрос, он совершенно правомерен. Еще раз объясню. Во-первых, я видите, ромб, и включенный в него символ креста здесь не случаен. Как и у М. Хайдеггера, когда он описывает рождение идеи Dasein с помощью знаменитой «четверицы мира». Происходит стяжка. Я сегодня уже говорил о том, что проблема как идти в школу или вуз, не обладая теологическими знаниями. Сегодня, и в этом Вы совершенно правы, именно так: плохо с взаимным пониманием и конкретным знанием. То, что в «чистый» культуролог не может прочитать христианскую антропологию, я совершенно убежден. Как не смогут ее прочесть большинство богословов, избегающих культурологии. На мой взгляд, нужна серьезная система переподготовки кадров, государственная причем, а не просто частная инициатива. Взаимное обучение культурологов и богословов. Об том тоже постоянно говорят, и Свято-Тихоновский богословский университет в Москве за это взялся со стороны богословия. Они, кстати, ведут много программ по Интернет-обучению. Там есть очень хорошие программы, они технически и содержательно оснащены, хотя до совершенства далеко. Спасибо, за то, что они делают, но это малые усилия. Если серьезно говорить о введении богословско-культурологических предметов на всех уровнях образования, то культуролог или социолог заниматься этим в чистом виде не сможет. Хотя бы частичное богословское знание нужно, оно необходимо. Недавно я был на одной дискуссии, и на ней ставился вопрос: где взять столько образованных культурологов, которые могли бы читать подобные курсы... Правомерный вопрос. И еще одна проблема: сопротивление светских религиоведов, о которой я уже говорил. Это реальность.

О. В. Федоров: Еще вопросы есть?

Вопрос: А можно спросить в каком вузе вы читаете?

М.С. Уваров: Я читал несколько лет в СПбГУ, потом меня постепенно отстранили по причинам предельно ясным и никакого отношения к науке не имеющим. Чему я даже рад, поскольку стали понятны позиции. В РХГА я читаю это лет восемь. В США, штат Айова, я читал в протестантском университете небольшой курс, скорее, это был мастер-класс с работой по фокус-группам. И читал в Пскове, в Псковском вольном институте, в Саратове. Интересные дискуссии были в Казани. Больше пока никуда не приглашали.

Вопрос: А в печатном виде? Электронном?

М.С. Уваров: Программы мои есть в Интернете, правда я давно их не обновлял, хотя структура курса кардинально изменилась за эти годы, на сайте РХГА есть один из вариантов моей программы. Книжек же и статей у меня довольно много.

Из зала: Все-таки у психолога никакого понятия о том, что такое христианская антропология.

М.С. Уваров: Филологи сейчас зато взялись, филологический факультет СПбГУ, но у них подход к библеистике все-таки филологический. А в университете нашем курс религиозной антропологии небольшой, как часть религиоведческой подготовки. Надо взяться и психологам!

О. В. Федоров: Спасибо. Михаил Семенович, и мне кажется, что вчера, когда мы говорили о том, возможна ли христианская психология, если возможна то как, то мы может быть чего-то не договорили. И очень важно сегодня это ваше выступление. И у меня такое сложилось впечатление, что богословы или тот, кто выступает от имени богословов не всегда как богословы приходят. Т.е. они называют себя богословами, а метод, подход, в общем, иногда почти марксистский. Для того чтобы свою мысль подтвердить надо процитировать Святого Отца. Святой Отец сказал - всё, ясно. «Классики» сказали. Это проблема - почему сегодня столько много опасения, что клерикализация грядет? Да потому что мы приходим очень часто с «нормой». Для чего нам нужен Святой Отец? Чтоб показать вот как он интересно толкует, согласны мы, не согласны, но это показать живое предание, это показать творческое усвоение Откровения. Потом, если мы говорим, что богослов это как Евагрий Понтийский: тот богослов, который правильно молится, т.е. опыт. Но и этот опыт безумно нужен. Если это просто игра в предание - это одно. Если это, действительно, попытка вот это жизненное и осознано воспринятое Откровение в слове выразить - по существу это всегда должна быть своего рода исповедь. Как я вижу - что такое преподаватель? Он делится своим опытом, все, в конце концов, через опыт. И вот мы, очень часто пытаюсь определить богословскую точку зрения, просто ссылаемся на какие-то авторитеты. Вместо того чтобы погрузиться в процесс этой творческой мысли и может быть пойти дальше. Ведь это важнейшая дискуссия была в XIX веке догматическое

богословие - развивается оно или нет? Какое развивается? Все в Откровении дано, у нас есть догматы, ничего не может развиваться. Но как ни развивается?! Оно, во-первых, эпоха вселенских соборов показывает, что постепенно открывается истина, она может нам открываться и открываться, появляются какие-то вопросы. А потом ведь развивается язык, на котором, он меняется, развивается, на котором мы излагаем свой опыт, пытаемся поделиться. И, кроме того, скажем, сфера толкования Священного Писания, даже вопросы, связанные с человеком, они при том, что есть две тысяч лет нового опыта и знакомство с самыми разными попытками и школами, это не может не обогатить нас. То же самое Откровение, но мы прочитываем, воспринимаем острее, внимательнее и так далее. И вот мне кажется, что те доклады, которые сегодня уже были они в свете вот этой общей дискуссии о том, а что же такое сегодня богословие? Что же сегодня такое вот это гуманитарное знание, естественнонаучное знание? Это одно знание, оно не может быть для христианина каким-то разным. Это некое цельный процесс, единый. И вот не случайно мы вчера тоже спотыкались, что нет определения или нас не удовлетворяют такие определения... Строго говоря, если мы к богословию обратимся там всегда образы, а не определения, особенно у Святых Отцов, это поэзия, вообще-то говоря. И поэтому в психологии, в антропологии очень хорошо, что существуют разные подходы. Ну, вот да, большинство Отцов дихотомией оперировали в этих категориях. Но те, кто трихотомию они так понимали. Т.е. вопрос-то в жизненности, как они свой опыт, вернее, что за опыт это был. И с одной стороны, я скажем, против каких-то схем, систематизация такая нужна. А с другой стороны схемы дают зримо вот эти все аспекты, которые нам нужны, которыми мы пользуемся. Поэтому эти точки зрения, и важно, по-видимому, все-таки вот это внимание к другим школам и своего рода плюрализм, допустить вот этот плюрализм. И может быть еще одну вещь. Не плюрализм даже, а какое-то уважение к тому, кому не открыто то, что тебе открыто. «Тебе не открыто, ты слепой неверующий». А может быть это какая-то попытка поделиться опытом, через который ты прошел, ты обрел этот опыт и тогда и этот человек к этому придет. И вроде бы то же самое, но весь вопрос как нам принести это наследие, предание. Чрезвычайно важная тема - образование и каким оно должно быть. Потому что в основах православной культуры главное, с чем столкнулись - пошли в школу, вместо того, чтобы в высшей школе прояснилось, а чего мы хотим и как, а потом уже идти в школу. А то посылаем в школу непонятно, с каким предметом. Извините, что так долго, но мне все эти тем кажутся связанными очень.

М.С. Уваров: Спасибо большое.